

10 февраля 1982 г.

Творчество молодых

С Е М Е Й Н А Я П Р О Ф Е С С И Я

...В мгновение ока темные клочковатые тучи заволочили небо, с жалобными криками замесились над куполами староиевских церквей стаи птиц, яростный порыв ветра закружил столбы пыли, поднял их до крыш и погнал по улицам. А в небе стоял черный диск солнца, окруженный огненной косматой короной. И люди, защищаясь руками от ветра и пыли, смотрели туда, в небо...

«И тогда на экране возник океан — могучий, безбрежный и многоликий, то грозный и неумолимый, как сила судьбы, то умиротворенный, невозмутимый и величавый...».

Первый эпизод взят из жизни, второй — кадр из фильма. Не возьму на себя смелость утверждать, что между солнечным затмением, увиденным в детстве Пашей Чухраем, и образом океанской стихии, ставшей не фоном, но словно бы действующим лицом фильма «Люди в океане», снятого режиссером Павлом Чухраем, существует прямая связь. И все же... Человек может забыть о том, что было 10—15 лет назад, время стирает имена и лица. Но ощущение силы и красоты природы, пережитое в раннем детстве, способно навеки поселить в душе восхищение пред этой красотой, научить слышать и чувствовать природу, искать за внешними приметами явления его глубинный смысл, наконец, привить особый, поэтический дар видения, художественное чутье.

Значит, связь все-таки есть? А может быть, истоки кинематографической судьбы Чухраемладшего в ином? Они жили в Киеве, на территории киностудии. Этот киногородок был для Паши настоящим островом сокровищ. Еще бы! Ведь на каждом шагу здесь можно было встретить столько удивительного — рядом с белой украинской хаткой высилась неприступная стена средневекового замка, на вечном приколе в прудах стояли фрегаты и бригантины... И ходили серьезные сосредоточенные люди с удивительными именами — ассистенты, помрежи, операторы. И каждый день рождалось на глазах чудо — кино. И каждый день на съемках, в павильонах и на натуре, за монтажным столом и с новым сценарием в руках выходил на работу, «делал кино» его отец, Григорий Чухрай. У них дома бывали друзья отца, в то время еще мало кому известные молодые ребята — Александр Алов, Владимир Наумов, Марлен Хуциев. Тогда в Киеве, на киностудии, еще не носившей имени Довженко, прославленный Марк Донской снимал «Мать» по роману М. Горького. Учителя и ученики, они были объединены в ту особую общность, которая отличает людей, принадлежащих к цеху искусства. Они были молоды, они переживали самую прекрасную пору жизни. И этот труд до самозабвения, эта атмосфера творчества, царившая в его семье, пусть не вполне, по-детски еще осознанная Павлом Чухраем, но воспитавшая его если не как режиссера, то во всяком случае как человека, определила его судьбу.

Нет, он не думал о том, что станет режиссером. Мальчишки в его возрасте мечтают стать полярниками, летчиками, военными. А он просто не хотел уходить из этого чудесного мира, просто знал, что так или иначе его жизнь будет связана с кино. И после окончания школы подал документы на операторский факультет ВГИКа. Почему именно на операторский? Трудно сказать. Да и вообще вопрос о том, как стать режиссером, как прийти к этому, чрезвычайно труден, потому что он всегда личностный, для каждого свой. Так же, как невозможно, навер-

ное, совершенно точно определить, какие именно черты характера необходимы человеку для этой профессии. Можно лишь предполагать, помня о том, что реальная жизнь гораздо сложнее самого предусмотрительного теста. Павел Чухрай пошел таким путем, — операторский факультет, годы работы на «Мосфильме» и только после этого — снэва ВГИК, режиссерский факультет, мастерская И. Таланкина.

Когда одного известного режиссера спросили, какие, по его мнению, качества необходимы человеку, собирающемуся ставить «свой» фильм, он ответил, что кроме профессиональной и человеческой зрелости нужны огромная энергия, знание кинопроизводства, трудоспособность, влюбленность в кино. Добавим: и четкое знание того, о чем хочешь говорить, какие вопросы ставить, с каких позиций решать — не только как художник, но прежде всего как гражданин.

Первый фильм П. Чухраем был снят по сценарию В. Кунина «Ты иногда вспоминай» — история пожилого врача, после гибели сына-пограничника приезжающего на место его службы и остающегося там доживать последние дни одиноком, сложенным горем, опустошенным. Но он находит в себе силы стать опорой для другой молодой жизни, попавшей в беду, помочь человеку, вернуть ему желание служить своему делу и людям. Первая работа дала режиссеру уверенность в том, что его выбор верен, и в то же время заставила задуматься о своей теме в кино. И вот — «Люди в океане»...

Стремительно разворачивается пружина действия фильма, снятого, казалось бы, по всем канонам приключенческого жанра: шторм, застигнутый в открытом море пограничный катер, спасение иностранных рыбаков с тонущего суденышка, драматическая, остро конфликтная ситуация, возникающая между спасателями и спасенными, наконец, цунами — страшное бедствие, обрушившееся на людей. Между тем фильм, как это показал и зрительский отклик, и оценка прессы, оказался глубже, серьезнее предполагаемых обстоятельств жанра. Только ли потому, что драматическая ситуация возникает между советскими пограничниками и китайскими рыбаками, запуганными, оболваненными маоистской пропагандой, с ужасом думающими о возвращении в свою страну из «позорного плена» и от страха становящимися на путь преступлений?.. Да, фильм откровенно политичен, за частным случаем он раскрывает трагедию целой страны, отравленной дурманом человеконенавистничества, клеветы, насилия... Но слагаемые успеха фильма — это и точная актерская игра, и режиссерское построение, и еще особое чувство, если можно так выразиться, режиссерского такта, что особенно ярко проявилось в эпизоде с цунами. Казалось бы, страшное бедствие, игра стихий, разъяренный бушующий океан — какой соблазн снять все это нарочито «страшно», увлечься экзотикой катастрофы. Однако режиссеру и в конечном итоге нам, зрителям, важнее и интереснее человек, люди, их взаимоотношения. Да, люди перед лицом катастрофы, поставленные в экстремальную ситуацию. Но ситуация не доводит над ними на экране, видеоряд не заглушает главного — конфликта между людьми.

Я беседую с П. Чухраем. — Действительно, мы не собирались делать именно приключенческий фильм, — говорит он. — Была тема, взволновавшая нас с драматургом Э. Володарским, привлекала возможность создать

масштабную ленту со сложными постановочными решениями... Сейчас много спорят о жанре приключенческого фильма: быть ему или не быть, а если быть, то каким. Мне кажется, что дискуссия на эту тему, мягко говоря, беспредметна. Подобна противопоставлению эстрады симфонической музыке. Нужно и то, и другое. Здесь еще очень важен вопрос зрительской заинтересованности: мы не можем спланировать успех фильма, но мы обязаны четко учитывать, что хочет от нас зритель. Это не потребительская точка зрения — мы ведь тоже зрители. И если возникает массовый интерес к определенному жанру — значит, продиктован он зрительским «голодом», в котором в какой-то степени повинны мы, кинематографисты: мало выпускаем в этом жанре фильмов. Это, конечно, упрощенная схема, но мне кажется, что она верна. Другое дело, если работы в одном жанре начинают повторять друг друга, возникает стереотип, однообразие, жанр начинает «буксовать». Значит, нужно искать новое...

В одном из интервью с Павлом Чухраем автор охарактеризовал его как человека, наделенного аналитическим умом, чуть ли не рационалиста. И во время нашей беседы я не могла отделиться от этого предубеждения, все ждала проявления «рации». Вот что значит «сочинять» человека с чужих слов, чужого мнения! Последние сомнения рассеял рассказ Павла Григорьевича о детстве, самых ярких воспоминаниях той поры, о солнечном затмении, так глубоко врезавшемся в память, что кажется — закроешь глаза и увидишь все, как на киноленте. И еще он говорил об одной из любимейших книг детства — «Моби Дик», которую, может быть, когда-нибудь решится поставить в кино. И о Ю. Тынянове, в книги и героев которого, став постарше, буквально влюбился...

А потом разговор перешел на более профессиональные темы. И тут мой собеседник совершенно озадачил меня, сказав, что не умеет работать с актерами. И пояснил:

— Дело в том, что между работой с актерами в кино и театре — огромная разница. Я не говорю о специфических моментах работы над ролью. Каждый день на съемочной площадке, работая с огромным коллективом людей, сталкиваешься с множеством трудностей и проблем. Вот вам, к примеру, ситуация: через несколько минут начнется съемка, артист войдет в кадр, должен будет страдать, любить, радоваться, как положено по роли, а у него вечером спектакль за сотни километров от экспедиции, к тому же нелетная погода... И ты должен сделать так, чтобы он работал. А это очень трудно — все мы люди, у всех есть слабости. Но ты отвечаешь за дело, которое тебе доверено, — за фильм. Тут нужен, наверное, особый дар человеческий. А непосредственная работа с актерами... Знаете, мне рассказывали, что Лариса Шепитько — удивительный режиссер и человек — часами просиживала на репетициях в «Современнике»: училась у театральных режиссеров. По-моему, это правильно...

Сейчас на рабочем столе Павла Чухраем... Впрочем, отступим на этот раз от общепринятых канонов — завершать рассказ о художнике творческими планами. Может быть, это будет еще один политический фильм? Или детектив? Психологическая драма? Предоставим режиссеру самому ответить на этот вопрос. Ответить новой работой.

О. ТВЕРИТИНА.